

Хузиханова А.Р.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУДОВ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ. ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОГО СУДА

Аннотация: Предметом исследования является определение модели Суда Евразийского Экономического Союза (Суда ЕАЭС) путем сопоставления квалифицирующих элементов и признаков наиболее распространенных моделей судов международных интеграционных образований и судебного механизма самого Суда ЕАЭС. Целью исследования является прогнозирование перспектив развития Суда ЕАЭС посредством учета опыта других судов в организациях подобного типа. Представляется, что учет международного опыта в данном вопросе может оказать положительный эффект на структуру всей системы Евразийского Экономического Союза. В процессе исследования были использованы следующие основные общенаучные специально-юридические методы: анализа, синтеза, дедукции, индукции, моделирования, сравнительно-правовой метод. Научная новизна исследования заключается в том, что автор проанализировал и определил наиболее распространенные и копируемые модели судебных механизмов в международных интеграционных образованиях – Орган по урегулированию споров ВТО и Суд ЕС. Автор пришел к выводу о том, что Суд ЕАЭС не вписывается полностью ни в одну из указанных моделей, а представляет собой скорее более индивидуально образование, при этом, очевидна его обращенность к опыту Суда ЕС. В завершении автор обозначил некоторые несовершенства Суда ЕАЭС и предложил наиболее реалистичные к принятию способы их преодоления.

Ключевые слова: Международное интеграционное объединение, судебный механизм, региональная организация, судебная модель, Суд ЕАЭС, Евразийский Экономический Союз, суд ЕС, ОРС ВТО, судебная практика, наднационализм.

Abstract: The subject of this research is determination of the model of the Court of the Eurasian Economic Community (EurAsEC Court) by comparing the qualifying components and characteristics of the most common models of courts of the international integrational institutions with the judicial mechanism of the EurAsEC Court itself. The goal of this work is forecasting the prospects of the development of EurAsEC Court by taking into account the experience of other types of courts within the corresponding organizations. In the author's opinion it can produce a positive effect upon the entire system of the Eurasian Economic Union. The scientific novelty consists in the fact that the author analyzed and determined the most common and patterned models of the judicial mechanisms within the international integrational institutions – Dispute Settlement Body of the World Trade Organization and Court of Justice of the European Union. The author came to a conclusion that the EurAsEC Court does not fit any of the described models, and rather represents a more unique institution, but nevertheless, its reference to the experience of the Court of Justice of the European Union is still evident. The author points out some flaws of the EurAsEC Court and offers most realistically implementable solutions.

Keywords: Eurasian Economic Union, Court of the Eurasian Economic Union, Court model, Regional organization, Judicial mechanism, International integrational institution, ECJ, Dispute Settlement Body of WTO, Judicial practice, Supranationalism.

Одним из векторов развития современных международных отношений и, как следствие, международного права является регионализация. Ряд региональных интеграционных объединений имеют развитую систему права, что доктринально описано как относительно самостоятельный правопорядок [1]. Ключевым элементом в системе права подобного рода организаций, а также движущей силой интеграционного процесса, выступает суд. Международные суды в целом и региональные в частности, призваны не только гарантировать надлежащее исполнение норм права, но и толковать нормы права, а также восполнять имеющиеся

правовые пробелы. Так, признано, что Европейский суд правосудия (далее – ЕСП) сыграл решающую роль на многих этапах развития Европейского Союза [2-4]. К примеру, всем известные решения по делу Van Gend en Loos v Nederlandse Administratie der Belastingen (Case 26/62) 1963, признающего принцип приоритета права ЕС, и по делу Costa v ENEL (Case 6/64) 1964, признающего принцип прямого действия права ЕС, выходят за рамки строгого толкования права и скорее являются нормотворчеством. Обращаясь к евразийскому пространству, мы также находим активное развитие интеграционных процессов, текущим этапом которых

является Евразийский Экономический Союз (далее – ЕАЭС). Суд ЕАЭС de jure является новообразованным судом в соответствии с учредительными договорами ЕАЭС, однако фактически он продолжает путь Суда ЕАЭС и рассматривается как его правопреемник [5]. Следовательно, Суд ЕАЭС, с одной стороны, обладает историей и практикой, с другой, находится у истоков своего развития. В этой связи есть возможность и необходимость провести сравнительно-правовой анализ с судебными механизмами других организаций, схожих по предмету и функциям с ЕАЭС, выделить элементы, требующих доработки в механизме Суда ЕАЭС, и сделать прогноз наиболее реалистичных преобразований рассматриваемого суда. Указанному сравнительно-правовому анализу посвящена настоящая статья, которая состоит из четырех частей: введение, §1 – определение моделей судебных механизмов международных интеграционных образований и наиболее приближенной модели к Суду ЕАЭС, §2 – перспективы дальнейшего развития Суда ЕАЭС, заключение.

§1. Каковы же тенденции развития судов в международных интеграционных образованиях? Существуют ли наиболее распространенные модели, повторяющие общие элементы судебного механизма?

По данной проблематике есть ряд исследований западных ученых, к примеру, Karen J. Alter и Laurence R. Helfer. Так, основные модели судебных механизмов, которым «подражают» региональные организации, являются модель Органа по урегулированию споров ВТО (далее – ОРС ВТО) и ЕСП [6]. Также можно встретить частое подражание модели Европейского суда по правам человека, к примеру Межамериканский суд по правам человека, Африканский суд по правам человека и народов. Однако в связи с поставленными нами целями, мы будем ориентироваться на первые две модели, т.к. именно они присущи региональным международным организациям общей компетенции, а также интеграционным объединениям экономического характера, к которым принадлежит ЕАЭС. Конечно, моделирование судов по указанным клише не сводится к слепому копированию всех их элементов, и каждый суд имеет свои уникальные свойства, обусловленные особенностями политики в регионе и целями интеграционного образования. Однако можно выделить квалифицирующие для каждой из двух моделей признаки.

Типичным для судов по модели ОРС ВТО является:

- 1) Право государств инициировать дела о несоблюдении норм права другими государствами.
- 2) Наличие обязательной юрисдикции.

Всего можно выделить четыре международных объединения, чьи судебные механизмы напоминают ОРС ВТО: НАФТА, МЕРКОСУР, АСЕАН [6].

К вышеуказанным также добавляются квалифицирующие признаки для судов модели ЕСП, а именно:

1) Наличие наднационального органа, осуществляющего надзор за соблюдением норм международной организации, имеющего полномочия обращаться с заявлением в суд в случае нарушения правовых норм государствами-членами (к примеру, Комиссия Европейского Союза)

2) Механизм предварительного регулирования, позволяющий национальным судам обращаться с запросами в наднациональный суд.

3) Система административного рассмотрения, позволяющая государствам, институтам сообщества и частным лицам оспаривать акты сообщества в наднациональном суде.

Всего можно насчитать 11 судов региональных организаций, которые соответствуют хотя бы двум квалифицирующим признакам модели ЕСП. К таковым следует отнести: Суд Бенилюкса, Андский Трибунал Правосудия, Центральноамериканский Суд Правосудия, Суд Европейской Зоны Свободной Торговли, Суд Западноафриканского Экономического и Валютного Союза, Суд Общего Рынка Восточноафриканских Государств, Суд Центральноафриканского Валютного Сообщества, Суд Восточноафриканского Сообщества, Карибский Суд Правосудия, Суд Правосудия Экономического Сообщества Западноафриканских Государств, Суд Сообщества Южноафриканского Развития [6]. Обращаясь к истории формирования судебного механизма в указанных организациях, можно отметить, что опыт Европейского союза, и в частности опыт построения судебного механизма, был напрямую заимствован. Так, к примеру Андское сообщество, возникшее в 1969 г., долгое время существовало без постоянного суда. И лишь в 1984 был создан Андский трибунал правосудия, который является наиболее схожей копией ЕСП.

Возможно ли отнести к какой-либо из указанных моделей Суд ЕАЭС? Ответ на данный вопрос позволит ориентироваться на опыт определенного судебного органа, его практику, предвидеть последующие этапы развития Евразийского Суда, совершенствовать его механизм. Чтобы разобраться в данной проблематике, мы прибегнем к опыту Суда Евразийского Экономического Сообщества, который, как было указано выше, следует рассматривать в качестве предшественника Суда ЕАЭС. Итак, начнем с модели

ОРС ВТО, как более простой, а затем перейдем к более сложной модели – ЕСП, проанализируем имеет ли суд ЕАЭС их квалифицирующие элементы.

Можно сказать, что Суд ЕАЭС вполне отвечает обеим характеристикам первой модели – ОРС ВТО. Так, государства-участники вправе инициировать рассмотрение дел в соответствии со ст. 39 Статута Суда ЕАЭС.

Суд также обладает обязательной юрисдикцией, то есть презюмируется, что споры, вытекающие из охваченных договоров рассматриваются в рамках Союза, а также по результатам рассмотрения споров, Суд выносит решение, которое является обязательным для исполнения сторонами спора (ст. 99 Статута Суда ЕАЭС). В то же время, Суд ЕАЭС не обладает исключительной юрисдикцией, то есть с таким же успехом государства могут обратиться за разрешением спора в ОРС ВТО, если предмет такого спора также входит в сферу деятельности ВТО.

Теперь перейдем к сопоставлению элементов модели ЕСП и суда ЕАЭС.

1. В системе ЕАЭС не предусмотрено надзорного органа, наделенного полномочием обращаться с соответствующей жалобой в суд в случае нарушения норм права государством-членом. Как указано в пп. 4 п. 43 Договора ЕАЭС Коллегия Комиссии осуществляет мониторинг и контроль исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, а также уведомляет государства-члены о необходимости их исполнения. Однако Договором не предусмотрена ни процедура направления предписания государству-нарушителю, ни процесс обращения Комиссии в суд с жалобой в случае неподчинения государства ее предписаниям. Для сравнения, ранее в Договоре о Евразийской экономической комиссии от 18.11.2011 г. были закреплены обе процедуры. Так, для направления уведомления о необходимости обязательного исполнения соответствующего международного договора и (или) решения Комиссии, Коллегия Комиссии принимала решение двумя третями голосов и устанавливала разумный срок, в течение которого Сторона обязана была устранить такое нарушение. В случае же если Сторона не исполняла решение в установленный срок, Коллегия Комиссии выносила соответствующий вопрос на рассмотрение Совета Комиссии, которая в последующем имела право обратиться в Суд Евразийского экономического сообщества с заявлением о неисполнении международных договоров Стороной. Как видно, в прошлом действительно можно было бы говорить о Евразийской Комиссии как о надзорном органе и о наличии специальных процедур для понуждения го-

сударств соблюдать нормы права. В настоящее время, за отсутствием прямой регламентации в Договоре, у Комиссии данными полномочиями не обладает.

2. Механизм Суда ЕАЭС не предусматривает процедуру предварительного регулирования, подобную процедуре, существующей в процессуальном праве ЕС. Данный механизм в том виде, в котором он существует в ЕС, представляет собой кооперацию между национальными судами и наднациональным судом по поводу интерпретации и применения права союза. За отсутствием субординации между национальными судами и международным судом, первые, тем не менее, имеют обязанность применять право союза единообразно и в соответствии с его точным смыслом. Подобная система находит свою опору в признании приоритета права регионального интеграционного объединения и его непосредственного действия. Однако ЕАЭС, как указано в ст. 38 Договора, не обладает наднациональной компетенцией, и, следовательно, установление подобного механизма не представляется хотя бы возможным.

3. Относительно третьего элемента – процедуры, позволяющей государствам, институтам сообщества и частным лицам оспаривать акты сообщества в наднациональном суде – можно сказать, что система ЕАЭС лишь отчасти напоминает данный административный механизм.

Институты ЕАЭС не наделены полномочиями оспаривать акты Союза. Органы ЕАЭС находятся в строгой иерархии: Высший евразийский совет – высший орган организации, решения которого имеют приоритет над решениями Евразийского межправительственного совета, акты которого, в свою очередь, приоритетны по отношению к актам Евразийской экономической комиссии [8]. Четвертым основным органом является собственно Евразийский суд, который стоит несколько особняком по отношению к указанным распорядительным органам. Система сдержек и противовесов не находит своего отражения в ЕАЭС (как известно, с появлением ЕС данный принцип стал употребляться применительно к международным организациям, а не только к системе государственных органов) [9].

Государства-члены действительно же полномочны оспаривать акты и действия (бездействия) Комиссии ЕАЭС, а также обращаться с заявлением о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору ЕАЭС. При этом не предусмотрено права государств оспаривать акты других, помимо Комиссии, органов.

Что касается оспаривания актов ЕАЭС частными лицами, то такое полномочие предоставлено исклю-

чительно юридическим лицам в отношении актов и действий (бездействий) Комиссии ЕАЭС. Однако, судебная защита прав физических лиц в рамках ЕАЭС никоим образом не предусмотрена, несмотря на то, что ст. 1 Договора закрепляет свободу движения рабочей силы, т.е. права физических лиц, которые они могут самостоятельно защитить посредством судебного механизма ЕАЭС.

Подводя итоги выше проделанного анализа, едва ли можно сказать, что Суд ЕАЭС соответствует модели ЕСП. Один из элементов судебного механизма – предварительное регулирование – однозначно отсутствует. Остальные элементы присутствуют, однако в довольно оригинальной форме. В то же время рассмотренные нами пункты не дают отнести данную судебную модель к подобным, существующим в Зонах свободной торговли и Таможенных союзах, т.е. модели ОРС ВТО, поскольку механизм Суда ЕАЭС представляется более сложным. Следовательно, на данный момент Суд ЕАЭС является скорее индивидуальной системой, нежели соответствует какой-либо из распространенных моделей.

В то же время обращаясь к опыту Суда ЕвразЭС, мы понимаем, что Евразийский суд все же тяготеет к модели ЕСП. Об этом говорит и детальная процедура понуждения государств соблюдать нормы права со стороны Комиссии, и применение некоторых концепций права ЕС, имевших место быть при ЕвразЭС. Так, к примеру, в деле «Угольная компания Южный Кузбасс» против Комиссии Суд ЕвразЭС в Постановлении от 8 апреля 2013, интерпретируя некоторые правовые положения, фактически использовал концепции, заложенные ЕСП. Во-первых, Суд указал, что правовым последствием признания акта КТС или отдельных его положений не соответствующими договорам, заключенным в рамках Таможенного Союза (ТС) является его юридическая ничтожность с момента принятия либо с того момента, когда он стал противоречить международным договорам, заключенным в рамках ТС, имеющим большую юридическую силу. Концепция ничтожности акта закреплена в ст. 264 Договора о ЕС. Во-вторых, в этом же постановлении Суд указал, что его решения имеют значение *erga omnes*, то есть действуют применительно не только к лицам, участвующим в деле, но и к неограниченному кругу лиц. Более того, Суд указал, что данное значение его решений влечет возможность пересмотра судебных актов национальных судов, в которых нормы Комиссии применены в значении, отличном от толкования Суда. Значение решений *erga omnes* также было установлено прецедентным правом ЕС [10]. Таким образом, учитывая опыт Суда ЕвразЭС, его за-

имствование концепций, заложенных практикой ЕСП, заявление Межгосударственного совета ЕвразЭС о намерении поддержать преемственность между ЕвразЭС и ЕАЭС, мы можем спрогнозировать, что ЕАЭС все же будет ориентироваться в первую очередь на модель и практику ЕСП. Более того, изучив правовой базис функционирования суда ЕАЭС, мы обращаем внимание на Правило 3.2. Правил организации и деятельности Суда Евразийского экономического союза: в функциональные обязанности советника судьи входит подготовка материалов о судебной практике международных судов, судов государств – членов Союза и третьих стран. Это говорит о том, что фактически, судьи в технике толкования норм права будут обращаться к опыту международных судов, в том числе и к практике ЕСП.

§ 2. Каковы же перспективы дальнейшего развития Суда ЕАЭС?

Уже сейчас, на этапе, когда ЕАЭС только начал функционировать, очевидно, что его судебный механизм имеет множество недочетов. Однако в данной работе мы затронем только два из них и определим их совершенствование как наиболее реалистичную перспективу развития данного органа в ближайшее время.

В настоящий момент мы можем констатировать, что Суд ЕАЭС обладает довольно ограниченными полномочиями, даже в сравнении с Судом ЕвразЭС. Как указано в ст. 102 Статута Суда ЕАЭС Решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых. Подобное положение в контексте статута международного суда действительно следует рассматривать скорее, как ограничение его компетенции, поскольку в первую очередь оно препятствует расширительному толкованию норм права, к которому суды прибегают в целях преодоления правовых пробелов. По природе международные суды в принципе имеют своей задачей создавать нормы права [11, 12], так как их практика, как постоянных судов – Международного суда ООН, Международного уголовного суда, так и судов *ad hoc*, способствует развитию обычного права. Что же касается региональных международных организаций, то здесь в силу тесной кооперации нормы права требуют детальной регламентации для формирования полноценного правопорядка, что приводит к насущной необходимости обращаться за разъяснениями к суду. К тому же государства более заинтересованы в исполнении актов суда, а также имеют большее влияние на участников организации и способны эффективно понуждать друг друга к исполнению судебных актов. В этой связи судебные

акты формируют прецедентное право, которое также входит в правовой базис международной организации. Объективно говоря, Договор о ЕАЭС изложен довольно абстрактно, о том, с какими трудностями столкнутся государства в процессе реализации заданных им целей покажет только практика. Однако необходимо понимать, что Суд ЕАЭС – это тот механизм, который призван не только разрешать споры, но и преодолевать правовые пробелы в системе права Союза. Поэтому наделение суда полноценной функцией толкования права, поддержка его инициатив разрешили бы возможные трудности.

В качестве следующей перспективы развития Суда ЕАЭС следует считать совершенствование механизма исполнения его решений. В соответствии со ст. 99 и 100 Договора о ЕАЭС, акты Суда носят обязательный характер для государств-членов Союза. Однако Договор не предусматривает каких-либо мер принуждения в отношении государства, не исполнившего его акт. Так в качестве санкций за неисполнение решений можно было установить финансовые санкции, подобные тем, которые существуют в ЕС [13]. Обязательность судебных решений напрямую связана с признанием наднациональной компетенции организации. Однако, как указано в ст. 38 Договора о ЕАЭС государства-члены осуществляют лишь координацию в сфере торговли услугами с третьими сторонами. При этом осуществление координации не означает наднациональной компетенции Союза в этой сфере.

Обращаясь к истории интеграции на постсоветском пространстве, мы видим, что отсутствие мер принуждения и реальной власти сделали предыдущие региональные образования неэффективными. Так, к примеру СНГ не раз рассматривали как свободную организацию, нежели как организацию обладающую реальной властью, способную достичь своих целей [15, стр. 41]. Судьба Экономического Суда СНГ, который за историю своего существования с 1994 по 2014 принял только четыре решения о по исковому производству, также сводится к тому, что он так и не был наделен реальной силой, способной оказать воздействие и на формирование нормативной базы, и на развитие Содружества в целом. Несмотря на то, что решения Суда СНГ также признаются обязательными в соответствии со ст. 31 Договора стран СНГ от 24.09.1993 «О создании Экономического союза», механизм обеспечивающий эту обязательность отсутствует. В этой связи непременно нужно учитывать все имеющиеся отрицательные практики для предотвращения повторения данной ситуации.

В очередной раз обращаясь к опыту ЕС отметим, что понадобились годы для раскрытия потенциала ЕСП, так, важные решения начали приниматься только ближе к 1970 гг. в то время, как суд был учрежден в 1953 г. В этой связи, рано делать какие-либо выводы об успешности судебного механизма ЕАЭС, либо говорить о провале возложенных надежд на следующий этап интеграции в Евразийском регионе, как это имеет место быть в различных средствах массовой информации. Напротив, европейский опыт, хоть и занявший долгие годы упорного труда юристов и политиков, служит примером того, как государства постепенно, шаг за шагом, достигают поставленных задач.

Заключение.

Проанализировав наиболее распространенные модели судов международных региональных экономических объединений, мы пришли к выводу, что таковыми являются модели ОРС ВТО, которая характерна для более простых объединений (ЗСТ, Таможенные союзы), и модель ЕСП, встретить которую можно в объединениях организационного типа. Сопоставив элементы Суда ЕАЭС с элементами описанных моделей, мы пришли к выводу, что данный судебный механизм представляет собой скорее более индивидуальное образование, но в то же время очевидна его приближенность к опыту ЕСП. В этой связи мы не раз обращались к практике ЕСП в процессе проделанного анализа, и считаем, что ее учет сыграет положительную роль в совершенствовании Суда ЕАЭС.

Во втором параграфе настоящей статьи была предпринята попытка спрогнозировать некоторых аспектов дальнейшего развития Суда ЕАЭС. Следует отметить, что в данный момент суд имеет несовершенства в механизме, преодолеть которые возможно рядом реформ учредительных документов Союза. Однако автор предложил наиболее реальные и ожидаемые поправки, принятие которых необходимо в ближайшей перспективе в целях наделения суда реальной силой, а именно: надделение суда полноценной компетенцией толкования, в том числе расширительного, норм Евразийского права; регламентация механизма принудительного исполнения решений суда.

Анализируя структуру ЕАЭС, Суд Союза – это, на сегодняшний момент, единственный орган в его системе, способный обеспечить баланс власти. При наделении должной властью, Суд ЕАЭС способен влиять на развитие всего Союза. В силах судебного органа защитить интересы государств, и юридических

лиц, а в перспективе возможно и физических лиц. Для достижения амбициозных целей, поставленных перед ЕАЭС, политические лидеры должны внимательно отнестись к совершенствованию судебного механизма;

это долгий процесс, который может длиться годами. В противном случае, ЕАЭС обречен повторить судьбу одного из множества нереализованных проектов, в том числе применительно к Постсоветскому пространству.

Библиография:

1. Henry G. Schermers and Niels M. Blokker, *International Institutional Law*, 3d ed. 1995, Chapter eight (para. 1139-1345).
2. Horsley, Thomas 'Reflections on the role of the Court of Justice as the "motor" of European integration: Legal limits to judicial lawmaking' (2013) 50 *Common Market Law Review*, Issue 4, pp. 931-964.
3. Schermers, Henry G. *The European Court of Justice: Promoter of European Integration*. *The American Journal of Comparative Law* Vol. 22, No. 3 (Summer, 1974), pp. 444-464.
4. De Waele, Henri *The Role of the European Court of Justice in the Integration Process: A Contemporary and Normative Assessment*. *Hanse Law Review*. Vol. 6 No. 1.
5. Нешатаева Т.Н. К вопросу о создании Евразийского союза: интеграция и наднационализм // *Закон*. – М.: Закон, 2014, № 6. – С. 106-119.
6. Alter, Karen J. *The Global Spread of European Style International Courts*. Working Paper No. 11-003, June 2011. *West European Politics*, 2012, Vol.35(1). P. 142.
7. Karen J Alter and Laurence R Helfer "Nature or Nurture? Judicial Lawmaking in the European Court of Justice and the Andean Tribunal of Justice". *International Organization*, September 2010, Vol.64(4), p. 564.
8. П. 4 ст. 7 Договора о ЕАЭС.
9. John Temple Lang, 'Checks and Balances in the European Union: The Institutional Structure and the 'Community Method'' (2006) 12 *European Public Law*, Issue 1, pp. 127-154.
10. ECJ Case C-372/97 *Italy v Commission* [2004], para. 36.
11. McWhinney Edward *The International Court of Justice and International Law-making: The Judicial Activism/Self-Restraint Antinomy*. *Chinese Journal of International Law* (2006), Vol. 5, No. 1, 3-13.
12. Tams J. Christian. *The World Court's Role in the International Law-making Process*. (March 8, 2014). Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=2406311> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2406311>
13. Ст. 260 Договора о функционировании Европейского Союза.
14. Kembayev Zhenis, *Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post-Soviet Area*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2009. page 41.

References (transliterated):

1. Henry G. Schermers and Niels M. Blokker, *International Institutional Law*, 3d ed. 1995, Chapter eight (para. 1139-1345).
2. Horsley, Thomas 'Reflections on the role of the Court of Justice as the "motor" of European integration: Legal limits to judicial lawmaking' (2013) 50 *Common Market Law Review*, Issue 4, pp. 931-964.
3. Schermers, Henry G. *The European Court of Justice: Promoter of European Integration*. *The American Journal of Comparative Law* Vol. 22, No. 3 (Summer, 1974), pp. 444-464.
4. De Waele, Henri *The Role of the European Court of Justice in the Integration Process: A Contemporary and Normative Assessment*. *Hanse Law Review*. Vol. 6 No. 1.
5. Neshataeva T.N. *K voprosu o sozdanii Evraziiskogo soyuza: integratsiya i nadnatsionalizm // Zakon*. – М.: Закон, 2014, № 6. – С. 106-119.
6. Alter, Karen J. *The Global Spread of European Style International Courts*. Working Paper No. 11-003, June 2011. *West European Politics*, 2012, Vol.35(1). P. 142.
7. Karen J Alter and Laurence R Helfer "Nature or Nurture? Judicial Lawmaking in the European Court of Justice and the Andean Tribunal of Justice". *International Organization*, September 2010, Vol.64(4), p. 564.
8. John Temple Lang, 'Checks and Balances in the European Union: The Institutional Structure and the 'Community Method'' (2006) 12 *European Public Law*, Issue 1, pp. 127-154.
9. McWhinney Edward *The International Court of Justice and International Law-making: The Judicial Activism/Self-Restraint Antinomy*. *Chinese Journal of International Law* (2006), Vol. 5, No. 1, 3-13.
10. Tams J. Christian. *The World Court's Role in the International Law-making Process*. (March 8, 2014). Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=2406311> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2406311>
11. Kembayev Zhenis, *Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post-Soviet Area*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2009. page 41.